

Андрей ПЕЛИН

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8204-0020>

Шнеер Коган – первый директор Кишинёвского художественного училища

DOI: <https://doi.org/10.52603/arta.2025.33-1.26>

Rezumat

Șneer Cogan – primul director al Școlii de Arte Plastice din Chișinău

Acest articol este dedicat artistului plastic și pedagogului moldovean Șneer Gherțovici Cogan (1872-1940), primul director al Școlii de Arte Plastice din Chișinău, fondată de colegul său mai în vârstă Vladimir Fulghentievici Okușko (1862-1919) pe baza Școlii orașenești de desen. Contribuția sa atât la învățământul artistic, cât și la artele plastice din regiunea noastră nu este mai puțin importantă decât cea a colegilor săi Iosif Stepankoski, Nicolai Golanski, Terenti Zubkov, Vasili Blinov, Vladimir Okușko, Vasili Tarasov, Auguste Baillayre, Alexandru Plămădeală ș.a.

Născut la Orhei, el a vizitat centre culturale importante, unde a făcut cunoștință cu cele mai avansate realizări ale timpului în domeniul artei. După ce a studiat la Odesa și München, a activat perioade îndelungate la Königsberg, Tel-Aviv și Istanbul. În anii interbelici, Ș. Cogan, spre deosebire de majoritatea camarazilor de breaslă, a combinat cu succes activitatea de creație cu lucrul didactic, lasând în urma sa o întreagă constelație de discipoli talentați.

Cuvinte cheie: Basarabia, acvaforte, Chișinău, Șneer Cogan, München, pedagog, școală.

Summary

Schneer Kogan as the first director of the Kishinev Art School

The article is dedicated to the Moldavian artist and teacher Schneer Hertzovich Kogan (1872-1940), who was the first director of the Kishinev Art School, founded by his senior colleague Vladimir Fulgentievich Okushko (1862-1919) on the basis of the City Drawing School. His contribution to both art education and the fine arts of our region is no less significant than that was done by his colleagues Joseph Stepankosky, Nikolai Golynsky, Terenty Zubkov, Vasily Blinov, Vladimir Okushko, Vasily Tarasov, Auguste Baillayre, Alexandru Plamadeala and others.

Born in Orheyev, then he managed to visit many major cultural centers, where he became acquainted with the most advanced achievements of the time in the field of art. After studying in Odessa and Munich, he worked for long period in Königsberg, Tel-Aviv and Istanbul. In the interwar years, Sh. Kogan, unlike many of his colleagues very successfully combined creative work with pedagogical activities, leaving behind a whole constellation of talented disciples.

Keywords: Bessarabia, aquafortis, Kishinev, Schneer Kogan, Munich, teacher, school.

Наиболее полно биография Шнеера Когана, молдавского художника и педагога, хотя и с лакунами, изложена в недавно вышедшем двухтомнике, посвященном изобразительному искусству Бессарабии XX столетия, известного молдавского искусствоведа Тудора Ставилэ [8]. В двух коллективных монографиях, изданных в 1960-е годы, есть очень скупые оценки творчества Ш.Г. Когана [10, 12].

К сожалению, сохранилось немного подробных сведений о его жизни и деятельности. Тому есть грустное объяснение. Город Кишинёв очень сильно пострадал во время Второй мировой войны. Центр был практиче-

ски весь уничтожен немецкими авианалетами 1941 года и бомбардировками дальней авиации антигитлеровской коалиции 1944 года. А потому архив и методический фонд Художественного училища были полностью утрачены при пожаре. Та же печальная участь постигла архив Музыкального училища, фонды Городской Публичной библиотеки и первую коллекцию Государственного Художественного музея МССР (во время эвакуации), созданного на основе Городской пинакотечи.

Опираясь на предшествующие публикации других авторов, а также на архивные документы и воспоминания его учеников, мы

попытаемся несколько дополнить биографию этого замечательного художника и педагога [2].

Шнеер Герцович (Гершович) Коган родился в городке Оргееве, в религиозной еврейской семье, в которой помимо младшего брата Моисея, возможно, был ещё как минимум один ребенок. Из декларации Ш. Когана на имущество за 1939 год мы узнаем, что кроме него было еще четверо совладельцев двух домов в Оргееве, оставшихся от родителей [16]. Может быть, остальными наследниками были кто-то из братьев или сестёр, либо речь шла об их детях, то есть племянниках или племянницах. Их отец, по всей видимости, занимался торговлей. Точные год, месяц и дата рождения Шнеера Когана достоверно невозможно определить из-за отсутствия метрических данных и расхождений в библиографических источниках. В самом раннем из дошедших до нас печатном издании 1939 года указана дата 30 марта 1880 года [3]. Эти сведения сразу можно признать ошибочными, так как они противоречат годам его учебы в Оргеевском городском 4-х классном училище, а именно с августа 1881-го по июнь 1889 года, что подтверждается документом об окончании полного курса, из которого следует, что процесс его обучения несколько затянулся, поскольку, скорее всего, он оставался на второй год [18]. Городские училища в Российской империи были учреждены в соответствии с «Положением о городских училищах и об учительских институтах» от 31 мая (12 июня) 1872 года. Принимались мальчики всех сословий и вероисповеданий не моложе семи лет без ограничения предельного возраста. Срок обучения составлял шесть лет, тогда как Шнеер Коган пробыл в училище на два года больше положенного.

То, что учеба проходила не просто, подтверждают и его отметки:

«Во время учения поведения был отличного.

В преподаваемых предметах оказал успехи:

1) в Законе Божиим

(...)

2) в русском языке и церковнославянском чтении	удовлетворительно (3)
3) в арифметике	удовлетворительно (3)
4) в практической геометрии	удовлетворительно (3)
5) в истории	удовлетворительно (3)
6) в географии	удовлетворительно (3)
7) в естествоведении	удовлетворительно (3)
8) в рисовании и черчении	хорошо (4)
9) в пении	удовлетворительно (3)
10) в гимнастике	хорошо (4)»

Из выше изложенного следует, что даже в предметах, изучению и преподаванию которых впоследствии Ш. Коган посвятил всю свою жизнь, он не очень преуспевал. В аттестате также указан его возраст на 1889 год: «Предъявитель сего Шнеер Гершкович Коган, иудейского вероисповедания, **семнадцати лет...**» [18]. То есть, если верить этой записи, то в действительности он родился не позже 1872 года. В более поздних изданиях приводятся 30 апреля и 30 мая 1875 года, что маловероятно, так как в городские училища принимали не ранее семи лет от роду. Поскольку свидетельство о завершении Коганом обучения в училище является единственным подлинным документом, то годом его рождения пока следует считать именно 1872 год. Дата же и месяц остаются под вопросом. В любом случае на июнь 1889 года ему уже исполнилось 17 лет.

С уверенностью можно сказать, что Герш Коган располагал необходимыми материальными средствами, если смог отправить своих сыновей учиться в столицу Баварии. В конце XIX века семья Коганов переехала из Оргеева в Кишинёв. В это время в столице Бессарабии жили два известных коммерсанта и общественных деятеля, фабрикант Товий Моисеевич Коган и купец Григорий Моисеевич Коган. Надо полагать, что они были родными братьями. Имя Григорий соответствует еврейскому имени Герш или Герц. Хотя пока это не доказано, но с определённой долей вероятности можно предположить, что он мог быть отцом будущих незаурядных художников. В пользу этой догадки говорит имя младшего брата Ш.Г. Когана, Моисея (в честь деда?) и весьма внушительный послужной список их предполагаемого отца. Г.М. Коган в разные годы занимал ряд общественных и официальных должностей. Он входил в Совет Еврейской

больницы Кишинёва с 1880 года (позже его возглавил), был у истоков Кишинёвского отделения Общества охраны здоровья еврейского населения, и, наконец, вместе с Товием Коганом его избрали гласным Кишинёвской Городской думы на срок 1909-1912 гг.

Как правило, состоятельные члены советов и комитетов различных благотворительных обществ оказывали им гораздо большую финансовую поддержку по сравнению с рядовыми лицами, делающими небольшие, почти символические денежные пожертвования. То есть, по сути, они же и содержали эти гуманитарные организации. В любом случае, отец Шнеера и Моисей Коганов был достаточно обеспеченным человеком. Возможно, что это лишь простые совпадения, поскольку старший брат Г.М. Когана, Товий Моисеевич был уроженцем Кишинёва, и в таком случае речь идет об однофамильцах Коганов, которых в Бессарабской губернии было много, и далеко не все они были родственниками.

Сразу по окончании Оргеевского училища, уже, когда родители переехали в Кишинёв, Шнеер Коган вместе с братом поехал в Одессу. Здесь он должен был обучаться инженерной профессии, тогда как младший брат, Моисей на химика. Но, вскоре оба бросили свои учебные заведения и записались в местную Художественную школу. Этому нет документального подтверждения. Также неизвестно, сколько они в ней проучились.

В 1897 году Ш. Коган приезжает в столицу Баварии, Мюнхен и поступает в Королевскую Академию изящных искусств, где помимо рисунка, живописи и композиции изучает классические техники эстампа. Позже увлекается и гравюрой по картону. Здесь он входит в общество русских художников во главе с Василием Кандинским и Алексеем Явленским.

Согласно выписке составленной секретариатом академии 28 апреля 1931 года, в общей сложности он проучился с перерывами четыре полугодия у выдающихся немецких художников и педагогов: *зимний семестр 1897-1898 гг. по классу рисунка у Иоганна Гертериха; летний и зимний семестры 1900 и 1900-1901 гг. по классу живописи у Людвиг Гертериха; летний семестр 1903 г. по классу композиции у венгерского живописца Шандора фон Вагнера* [19].

Во 2-м томе своей монографии Т. Ставилэ пишет, что в студенческом удостоверении Ш.

Когана упоминается фамилия его отца как «Кауфман». Скорее всего, это неверное прочтение документа. «Kaufmann» в переводе с немецкого языка, означает торговец, негодичант, купец. «Kaufmann» в данном случае не фамилия, а род деятельности, профессия или принадлежность к сословию. Тем более, что там же указано и его иудейское вероисповедание [8].

В 1903 году в Мюнхене также находился и его брат Моисей, проучившийся один семестр в мастерской известного скульптора Вильгельма фон Рюмана. В 1909 году он вступает в творческое сообщество представителей экспрессионизма «Новое Мюнхенское художественное объединение», участвуя во всех его трёх выставках, а в 1911-м становится членом его наследницы, группы «Синий всадник». Его старший брат, Шнеер Коган в списках этих объединений не числился, хотя их мировоззрение, несомненно, оказало на него какое-то влияние.

Дальше пути братьев расходятся. Младший брат, Моисей решил перебраться в Париж (1910). Он стал известным скульптором довоенной Франции. Его судьба оказалась трагической. Во время немецкой оккупации попал в облаву и был схвачен вишистами. Французские коллаборационисты отправили его, как еврея, в пересыльный лагерь в Дранси. Впоследствии он был перемещён в концлагерь Аушвиц-Биркенау (Освенцим), где и погиб в 1943 году [13].

Шнеер Коган перед Первой мировой войной (1914-1918) уехал в Палестину, которая тогда находилась под властью Османской империи. Некоторое время он жил в только ещё отстраиваемом Тель-Авиве, где занимался монументальным искусством. Вроде бы даже некоторые образцы его мозаичных работ сохранились в городе и по сей день. Скорее всего, они находятся в общественных зданиях – местных управах, школах, приютах и др. Сын Ш.Г. Когана, Анатолий Коган вспоминал, что его отец после завершения учебы в Академии женился на некоей Руфь-Санта, якобы одной из танцовщиц балетной школы Айседоры Дункан (1877-1927) и переехал в столицу Восточной Пруссии, Кёнигсберг. Но участие в танцевальной труппе „Les Isadorables” знаменитой американской балерины на сегодня пока не подтверждается [8].

В 1914 году, после развода, Ш.Г. Коган возвращается в Бессарабию, где на следующий год открывает частную художественную школу, впоследствии переросшую в Высшую школу изобразительных искусств (1916), которую он возглавлял впоследствии совместно с румынским скульптором Корнелом Медрадо до 1919 года [29]. В этой школе ему помогали преподавать опытные мастера Герш Шах и ученик И.Е. Репина, Наум Хесс [32].

В конце 1917 года была опубликована в местной газете краткая заметка, в которой сообщалось, что «*группа учащихся художника Когана в Оргееве обратилась в Сфатул Цэрий с просьбой помочь им создать в Молдавской Народной Республике Национальную Академию художеств*». Со своей стороны сам Ш.Г. Коган просит власти отвести пустопорожнее место для постройки здания под Академию [9]. Увы, затея с Академией художеств осталась неосуществлённой.

Согласно выписке, подготовленной Квестурой полиции г. Кишинёва от 6 октября 1938 года выходит, что «*Шнеер Герцович (сын Герша) Коган, ныне проживающий в гор. Кишинёве по ул. Ион Г. Дука № 11, переехал с ул. Св. Георгия № 6, где находился до октября 1921 года. 29 июня 1917 года, переехав с ул. Петропавловской № 27, имел перевод 18 ноября 1917 года в Оргеев. В регистре дома по ул. Фёдорова № 70 выше упомянутый записан 2 декабря 1918, будучи приехавшим из г. Оргеева и с перемещением 4 ноября 1919 без указания куда именно*» [22]. Из этого следует, что больше года он проживал в Оргееве.

Ш.Г. Коган возглавлял один учебный год (1918-1919) Рисовальную школу, преобразованную в Художественное училище уже тяжело больным В.Ф. Окушко [20]. То есть, он был первым руководителем училища еще при жизни его основателя. С 1919 года он остаётся в штате преподавателем, уступив должность директора его ученику, Александру Михайловичу Плэмэдялэ.

Несомненно, именно то обстоятельство, что Ш. Коган содержал собственную школу, помогло ему стать первым директором Художественного училища, пока большинство его коллег занимались творчеством, а многие и просто выживали в эти трудные годы, перебиваясь случайными заработками.

Мэрия Кишинёва поручает Ш.Г. Когану в том же 1918 году организовать первую после вхождения Бессарабии в состав Румынского королевства выставку живописи и скульптуры [3]. В 1922 году он участвует в первом Официальном салоне бессарабских художников в Бухаресте. Несколько его выставленных работ были приобретены закупочной комиссией, среди которых и «Сквер Александра Доброго в Кишинёве» за 2000 леев. Его заслуги перед искусством не остаются незамеченными, и в 1924 году он награждается Большой золотой медалью и орденом «*Coroana României*» [25]. Во втором браке с Полиной Оргеевской родился сын Анатолий Коган (1927-2003), в будущем известный молдавский журналист, писатель и переводчик [32]. С 1927 года при училище работала офортная мастерская, которой заведовал Ш.Г. Коган [21].

Вплоть до своей кончины Ш. Коган был активным деятелем Общества «Бель-Арт», будучи в разные годы членом Организационного комитета художественных салонов и жюри. Он участвовал почти во всех экспозициях этого творческого союза (список неполный) [7]:

1. Выставка бессарабских художников 1918 года (12 работ Шнеера Когана);
2. Выставка Георгия Пожедаева совместно с местными мастерами 1920 года (14 работ Ш.К.);
3. Салон 1927 года (32 работы, в их числе 12 офортов);
4. Салон 1928 года (10 работ, в их числе 5 офортов);
5. Салон 1930 года (8 работ – 6 рисунков, офорт и этюд маслом);
6. Официальный салон в Бухаресте (апрель-май 1929 года);
7. Салон 1933 года (4 ксилографии „ню”);
8. Выставка-продажа (15 работ, в их числе 5 офортов);
9. Салон 1934 года в Болграде (18 работ, в их числе 5 офортов, 3 рисунка, 3 сангины);
10. Салон 1938 года (14 работ, в их числе 7 офортов, 2 закуплены государством);
11. Салон 1939 года (3 рисунка головы), член жюри.

Как вспоминала художница Анна Мармор, Ш.Г. Коган пользовался большим уважением у учеников, которые буквально боготворили его. Он был не только блестящим преподавателем своих предметов, но и строгим педаго-

гом, принимая активное участие и в воспитательной работе. В декабре 1939 года педсовет Индустриального лицея, членом которого был и Ш.Коган даже вынужден был исключить на 15 дней известного хулигана, ученика IV-го „б” класса Виктора Вноровского [15].

По отношению к своим товарищам по цеху Ш.Коган был предельно учтив. Только лишь к одному коллеге, Ефиму Марнянскому он испытывал неприязнь, поскольку считал его дилетантом. В 1934 году закупочная комиссия по рекомендации жюри Официального Салона рисунка и гравюры приобрела у Шнеера Когана для Государственных коллекций его офорт под наименованием «Стамбул» за 500 леев [23]. Приблизительно в те же годы он был избран членом «Общества румынских художников-живописцев и ваятелей» [24]. В 1937 году происходит слияние Художественного училища с Индустриальным лицеем, а по сути, его поглощение [21]. Все преподаватели училища теперь числились в штате лицея. Так что чисто юридически, Александр Михайлович Пламэдялэ был в должности директора именно Художественного училища с 1919 по 1937 гг.

На 1939 год Ш. Коган также содержал в центре Кишинёва (дом Симхи Геккера, ул. Александру чел Бун № 90, ныне Пр. Штефан чел Маре ши Сфынт) гравировальную мастерскую, где вероятно изготавливались и печати для различных юридических лиц, фирм и организаций [1].

Необходимо отметить, что рецензенты того времени отличались не только похвальным словом. Вот лишь несколько выдержек из заметок и статей, опубликованных в местной прессе:

- «Уже известный кишинёвцам Шнеер Коган, представляет те же этюды, пейзажи Балчика и офорты различных видов Кишинёва. На выставке 1925 года он был награжден золотой медалью. Выставлено несколько новых цветных офортов. Среди них «У распятия», весьма удачна» («Диминяца», четверг, 5 мая 1927 года).

- «Известный мастер и педагог Коган, чья выставка не так давно была открыта в Бухаресте, привлек внимание публики, выставив несколько этюдов голов и некоторое количество пейзажей в витрине местного книжного магазина «Картя» по ул. Александру чел

Бун. Многие из них были отмечены знатоками и запомнились зрителям. Даже министр искусств купил один этюд головы, что свидетельствует о том, что столица и сейчас ценит его работы. Старый художник, знаток живописи, специалист во многих направлениях изобразительного искусства, мастер портрета, за свою долгую преподавательскую деятельность подготовил немало учеников, разъехавшихся по всей стране, которые в свою очередь проявили себя как хорошие и талантливые художники. Маэстро Коган не нуждается в похвалах. Однако он заслуживает поощрения именно потому, что является уроженцем Бессарабии, достигнувшем творческих высот исключительно своим трудом и талантом» («Вяца Басарабией», апрель 1938 года).

- «Ш. Коган не любит снега. Его полотно сумеречно. Неожиданным кажется ясный блик на серебряном куполе собора. Лучшее его полотно, думается мне, – „Голова старика”. В ней много подлинной живописи. Я думаю, что не ошибусь, если скажу: г. Мишонзник – ученик Ш. Когана. Влияние последнего сильно сказывается в работах молодого художника» («Новое слово», 31 декабря 1920 года).

- «Прежде всего, о портретистах. Здесь первое место – Ш. Г. Когану. Этот художник достиг того совершенства, когда мы художника называем мастером. Его портреты именно полны мастерства. Они изумительны в деталях, они просты по художественной концепции и выразительности. Коган – „офортист” не уступает Когану – портретисту. Его константинопольские офорты воздушны, полны настроения и насыщенности» («Бессарабское слово», 15 августа 1933 года).

- «Ш.Г.Коган. Четкость, знание, строгость, серьезное отношение и любовь к делу сказываются в его портретах, рисунках голов и неповторимых „константинопольских” офортах» («Стрела»).

- «Ш.Г. Коган, один из корифеев местного искусства, на сей раз неудачно подобрал свои экспонаты. Прекрасные константинопольские рисунки теряются в серии бледных портретов» («Наше время», 1933 год).

- «Более выгодное впечатление производят работы учеников г. Когана. Это чисто школьные ученические работы, но за них потом ученик г. Когана поблагодарит его. Манеру, направление, стиль очень легко усвоить,

знания же и грамоту очень трудно приобрести. На работах учеников г. Когана видна эта настойчивая, упорная работа по приобретению грамотности. В работах есть рисунок, чувство формы, линии, т. е. ученики грамотны» («Наше слово», № 130, 1922 год).

- «Беру кусок жизни, грубой и бледной и творю из нее сладостную легенду». Вот эти слова Сологуба приходят на мысль, когда всматриваешься в работы учеников г-на Балльера. Действительно, он учит их творить свою собственную „сладостную легенду”. Ни в коем случае нельзя этого сказать об учениках г-на Когана. Здесь старая, давно забытая и выброшенная за борт искусства, сухая, академическая система, от которой все уже давно отказались (...). Кому теперь неизвестно, что самые наипровинциальнейшие учителя рисования отбросили эти давящие, сухие способы преподавания искусства и прониклись течениями новых путей (...).

Во всех работах учеников г-на Когана видна сразу давящая рука педагога, требующего рисовать так, как он. Смотришь на эти „грамотные” головы и чувствуешь душевные страдания и муки молодых начинающих служителей искусства, а сколько их губится такими инквизиторскими способами преподавания, сколько талантливейших детей и юношей получают отвращение к тому искусству, где быть может они могли бы царить. В клетке искусства даровитому юноше не высидеть, он чахнет, не успев распухнуть пыльным цветком таланта, и погибает для искусства навсегда. Не знаю, поблагодарят ли когда-либо г-на Когана за это его ученики» («Наше слово», 1922 год).

Из двух последних заметок следует, что споры по поводу систем преподавания возникли и в довоенные годы.

Поскольку данная статья посвящена, в основном, уточняющим подробностям личной жизни и преподавательской деятельности художника Шнеера Когана, то характеристика его творчества, несомненно, заслуживает не менее тщательного рассмотрения. Но, всё-таки будет уместно хотя бы вкратце определить основные стилистические вехи художественных горизонтов мастера. Как и большинство деятелей искусства родом из провинции, он был подвержен влиянию модных течений своего времени. В какой-то мере ему сопут-

ствовала удача, поскольку, прежде чем попасть в одну из центров западноевропейской культуры, Ш.Коган прошел своего рода обряд посвящения в тайны изобразительного искусства в классах Одесской Художественной школы. Вероятно, ему пришлось брать частные уроки рисования, т. к. без определенной подготовки весьма трудно было поступить, а главное удержаться и окончить специальное художественное учебное заведение регионального уровня. Как и каким образом сам Ш. Коган (или кто-то из его наставников) пришел к выводу, что учиться ему следует именно в Мюнхене, а не в другом центре мировой культуры, истории пока не ведомо. Скорее всего, дело не обошлось без грамотных советчиков. Ясно одно, что этот выбор определил всю его дальнейшую творческую судьбу. Сие обстоятельство значительно и весьма благотворно повлияло на изобразительное искусство Молдавии. Достаточно упомянуть лишь некоторых учеников Ш. Когана, впоследствии ставших известными художниками. Это Яков Авербух (1922-1998), Анна Баранович (1906-2002), Георгий Беккер, Мендель Бейрехман (1908-2005), Евгения Гамбурд (1913-1956), Моисей Гамбурд (1903-1954), Владимир Доброшинский¹ (1901-1980), Анна Мармор (1900-1989), Григорий Мишонзник (1902-1982), Владимир Новик (1917-2010), Елизавета Ивановская (1910-2006), Н. Колосков, Коношенко, Ольга Хржановская (1900-1990) и др. Практически всех учащихся Художественного училища межвоенного времени можно считать его подопечными, поскольку он вел сразу четыре предмета, а именно станковую живопись, портретный рисунок, а также натурный пейзаж и гравюру [21]. И даже если обучаемые не числились именно в его классе, то, несомненно, большинство из них прошли через его мастерскую по отдельным дисциплинам в рамках общего курса.

Ш.Г. Коган также преподавал и в т. н. «Техникуме». Среди его коллег были известные архитекторы Н. Мертц и Екатерина Окушко (1905-1981), в девичестве Алхазова (Алмазова), супруга Ростислава Окушко, сына Владимира Окушко) [17].

Вспоминая на склоне лет о своей учебе в Художественном училище, Е.А. Ивановская, рассказывала сыну, что в основе программы обучения преобладали «теории структурализ-

ма», приписывая по ошибке эти нововведения Ш. Когану. Вряд ли она имела в виду структурализм, как междисциплинарное направление в социальных науках XX века. Наверняка под этим подразумевался свойственный модернизму некий новый и более системный или аналитический подход в постижении навыков в области изобразительного искусства. К тому же Е. Ивановская неверно указывает место учебы Ш. Когана. Вместо Мюнхена она называет Дрезден [4]. Напротив, как видно из выше приведенной рецензии, у Ш. Когана была прочная репутация заскоруждого академика. Дело в том, что в среде преподавателей Художественного училища были две негласно соперничающие между собой группы. Традиционное отношение к эстетическому просвещению исповедовали учителя, возглавляемые директором училища Александром Плэмэдялэ. Тогда, как более либеральных приверженцев модернизма вдохновлял его коллега, осевший в Бессарабии француз, Август Балльер (1879-1961), получивший образование в Голландии и Франции.

В Кишинёвском Художественном училище межвоенного периода, несмотря на конкуренцию педагогов специальных предметов, существовал своего рода триумvirат «соправителей». Директор, Александр Плэмэдялэ был воспитанником русской реалистической школы, близкий французскому модернизму Август Балльер исповедовал творческую свободу, тогда как Шнеер Коган был представителем более консервативного немецкого академизма и отчасти экспрессионизма. Его положение было промежуточным, и он как бы связывал два противоположных подхода. Для творческой среды, это не совсем обычное явление одновременного соперничества и сотрудничества.

Уже много лет спустя, вдова Ш.Г. Когана сетовала, что ее супруг незаслуженно забыт (смотри **Приложение 1**) [28]. В какой-то мере трудно с ней не согласится. Предпочтение, вполне объяснимо, отдавалось Александру Плэмэдялэ, и это можно понять. После войны стал о себе напоминать проживавший в Румынии Август Балльер, который, в конце концов, завещал большую часть своих работ Государственному Художественному музею МССР.

Невольно напрашивается вывод, что вопреки продолжительному преобладанию в годы Советской власти принципов социалистического реализма, именно это сплетение трех ветвей европейского изобразительного искусства оказало весьма плодотворное воздействие на эволюцию молдавской художественной культуры последующего времени вплоть до наших дней. Ведь многие молодые художники послевоенного времени были их учениками. Среди них и выдающийся молдавский акварелист и рисовальщик Леонид Григорашенко (1924-1994), которого осенью 1940 года, уже после вступительных экзаменов, зачислил сам Август Балльер, просмотрев его работы. К тому времени Художественное училище уже носило имя Ильи Репина. Одним из преподавателей был ученик Ш.Г. Когана, Моисей Гамбурд.

Таким образом, в целом, сохранилась определенная преемственность, несмотря на влияние различных художественных направлений, в частности, очень распространенного в немецкой художественной среде начала XX века экспрессионизма. Шнеер Коган оставался на прочном основании традиционного для Кайзеровской Германии академизма. Как считает молдавский график и педагог Алексей Афанасьевич Колыбняк (р. 1942), Ш. Коган стилистически был близок кругу немецкой художницы Кете Кольвиц (1867-1945), также как и он учившейся в Мюнхене у того же Людвиг Гертериха на несколько лет раньше.

Шнеер Герцович Коган скоропостижно скончался 2 марта 1940 года. Прощание прошло через два дня по месту жительства, в доме его супруги на ул. Ион Г. Дука № 13 (позже ул. Бендерская, ныне ул. Тигина) [5, 14]. Похороны состоялись на Кишинёвском еврейском кладбище, ныне находящемся по ул. Милано № 1. Его прах покоится в 4-й части 1-го сектора в захоронении № 2078 [11]. Спустя три с половиной месяца (15 июня) умирает Александр Плэмэдялэ. Художественное училище и Городская пинакотекта остаются на попечении Августа Балльера.

Примечание

- ¹ Скульптор В.Е. Доброшинский с 1919 года учился в частной школе Ш. Когана и К. Медря [27].

Библиография

1. Anuarul Chișinăului pe anul 1940, Chișinău: Arpid, 1940.
2. Colesnic I. Colegiul Republican de Arte plastice „Al.Plămădeală”, Chișinău: Museum, 2008.
3. Figuri contemporane din Basarabia. Chișinău: Arpid, 1939.
4. Ivanovsky E. Convorbire cu Serge Meurant. București: Sophia, 2010.
5. Monitorul Municipal, Chișinău, Nr. 6, 15 martie 1940.
6. Plămădeală A. Artiști plastici basarabeni. În: Viața Basarabiei, № 11, 1933.
7. Societatea de Belle-Arte din Basarabia, cataloage 1927-1939.
8. Stavilă T. Artele frumoase din Basarabia în secolul al XX-lea, Volumul II, Chișinău: Arc, 2020.
9. «Сфатул Цэрий», № 22, 21-XI, 1917 / «Sfatul Tserii», № 22, 21-XI, 1917.
10. Гольцов Д., Зевина А., Лившиц М., Роднин К., Чезза Л., Эльтман И. Искусство Молдавии. Кишинёв: Картя Молдовеняскэ, 1967 / Gol'tsov D., Zevina A., Livshits M., Rodnin K., Chezza L., El'tman I. - Iskustvo Moldavii. Kishiniov: Kartia Moldoveniaske, 1967.
11. Дом вечности. Список похороненных на Кишинёвском еврейском кладбище. Кишинёв: Центральная типография, 2004 / Dom vechnosti. Spisok pokhoronennykh na Kishineovskom evreiskom kladbishche. Kishiniov: Tsentral'naia tipografia, 2004, (стр. 29).
12. Зевина А., Роднин К. Изобразительное искусство Молдавии. Кишинёв: Картя Молдовеняскэ: 1965 / Zevina A., Rodnin K. - Izobrazitel'noe iskustvo Moldavii. Kishiniov: Kartia Moldoveniaske, 1965, (стр. 181-185).
13. Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники Русского зарубежья 1917-1939. С.-П.: 2000, / Leikind O.L., Makhrov K.V., Severukhin D.I. Khudojniki Rousskogo zaroubezha 1917-1939. S.-P.: 2000, (стр. 334-335).
14. Национальное Архивное Агентство Республики Молдова (далее НАА): Ф. 289, оп. 1, ед. хр. 86, л. 26 об.
15. НАА РМ: Ф. 1862, оп. 31, ед. хр. 4, л. 8 (?).
16. НАА: Ф. 1862, оп. 31, ед. хр. 21 «а», лл. 86-87 об.
17. НАА: Ф. 1992, оп. 1, ед. хр. 6, лл. 7 об., 59.
18. НАА: Ф. 2117, оп.1, ед. хр. 1, л. 1.
19. НАА: Ф. 2117, оп.1, ед. хр. 1, л. 7.
20. НАА: Ф. 2117, оп.1, ед. хр. 1, л. 13
21. НАА: Ф. 2117, оп. 1, ед. хр. 1, л. 14.
22. НАА: Ф. 2117, оп.1, ед. хр. 1, л. 15.
23. НАА: Ф. 2117, оп.1, ед. хр. 2, л. 2.
24. НАА: Ф. 2117, оп.1, ед. хр. 2, л. 4.
25. НАА: Ф. 2117, оп.1, ед. хр. 2, л. 10.
26. НАА: Ф. 2117, оп.1, ед. хр. 3.
27. НАА, (бывш. Архив общественно-политических организаций), Ф. А-2906, оп. 3, ед. хр. 13, л. 9.
28. НАА, (бывш. Архив общественно-политических организаций), Ф. А-2906, оп. 3, ед. хр. 41, лл. 14-15.
29. Пламадяла О.Я. А.М. Пламадяла – жизнь и творчество. Кишинёв: Картя Молдовеняскэ, 1965 / Plamadiala O. A.M. Plamadiala – zhizn' i tvorchestvo. Kishiniov: Kartia Moldoveniaske, 1965.
30. Художественная жизнь Молдавии. Кишинёв: Картя Молдовеняскэ, 1971 / Khudozhestvennaia zhizn' Moldavii. Kishiniov: Kartia Moldoveniaske, 1971.
31. Шишкан К., Пожар С. Молдавско-русские взаимосвязи в искусстве (XVIII – XX вв.). Кишинёв: 2006 / Shishkan K., Pojar S. Moldavsko-russkie vzaimosviazi v iskustve (XVIII – XX vv.). Kishiniov: 2006.
32. Шпитальник С.С. Евреи Молдовы. Кишинёв: PRIMEX-COM, 2000 / Shpital'nik S.S. - Evrei Moldovy. Kishiniov: PRIMEX-COM, 2000

Приложение 1

Надгробная речь, написанная учеником VIII кл. Кишинёвского Индустриального лицея Владимиром Новиком на кончину Шнеера Когана.

Понедельник, 4 марта 1940

Опечаленное собрание и безутешная семья почившего!

Теперь, когда из бесконечной череды массивных свинцовых туч все чаще выглядывает солнце, когда деревья начинают распускаться, когда природа начинает радостно улыбаться, сбрасывая свои тяжелые зимние одежды, мы скорбим, ибо тот, кто искал ее в цвете, расстанется с нами навсегда.

Мы больше не увидим его, не услышим, но нежный образ нашего дорогого учителя будет вечно возникать в нашем сознании, будет жить среди нас, ибо его безмятежные глаза с их кротким взором, всегда милой улыбкой на устах и душой, сокровищницей доброты, никогда не могут быть забыты.

Тяжелым и печальным ударом было известие о твоей смерти, мы, твои ученики, не хотели верить, что тот, кто дышал искусством, кто прививал нашим юным сердцам тайны красоты, наш добрый духовный родитель, теперь уйдет от нас. Судьба жестока! Нет больше Шнеера Герцовича, но нам остаются его поступки и творчество. Глаза, проникшие в красоту природы и руки, запечатлевшие ее, упокоились с миром, и уже никогда не создадут ни рисунков, ни картин, ни офортов, которыми он был так увлечен.

Очарованный мирными пейзажами, он оставил нам в наследство не только сокровища великолепных достопримечательностей чужих стран, но и своей любимой Бессарабии. Его большой страстью были портреты: «Цыганка», «Молдаванка из Оргеева», «Старик из Кишинева» и многочисленные этюды голов, доказавшие, что Бессарабии тоже есть чем гордиться!

В своем творчестве он отталкивался от реальности, чтобы достичь мира воображения. Он всегда говорил нам, что с помощью красок можно передать «поэзию цвета», и это было его жизненным кредо. Единственным утешением для нас будут твои произведения, ибо только они могут преодолеть время, это-

го самого нашего беспощадного врага, чтобы поведать последующим поколениям о Шнеере Герцовиче Когане.

Ты нас покидаешь, мы же пришли поплакать у твоего изголовья, ведь мы, твои ученики, знаем тебя как никого другого лучше всех, и расставание для нас очень тяжело. Ты умел направлять нас и помогать нам, когда нам не хватало красок на нашей палитре, ты делил свой кусок хлеба с голодающим учеником. О, ты слишком дорог нам, и судьба слишком жестока!

Возможно... теперь ты обретишь тишину... после долгих лет волнений... непрерывного труда, которому ты так самоотверженно посвятил себя! За любовь, которую ты испытывал к нам... за отеческую заботу, которую ты проявлял к нам... мы пришли отдать тебе последние почести. Мы все скорбим о тебе. Опечаленный и удрученный, я склоняю свою голову вместе со всеми и со слезами на глазах желаю тебе «сладкого сна», дорогой учитель, и пусть земля тебе будет пухом...

Владимир Новик – VIII кл.,
Мужской индустриальный лицей

* * *

Письмо сотруднику Центрального Государственного архива Молдавской ССР, Никитичу А.Н. от художницы Баранович Анны Георгиевны, декабрь 1968 г.

Уважаемый Александр Нестерович!

Случайно я встретила соученика по худ. училищу, разговорились, он оказался родственником жены художника Когана Ш.Г. Я узнала ее адрес. 1-я гор. Больница, зав. лабораторией, доктор Оргеевская*. Там же и живет.

Сын, журналист, работает по Комсомольской ул. Садовой**. Там есть редакция, он не знает какая. У мадам есть фотографии мужа и кое-какие работы. Она странная женщина, обижается, что ее мужа забыли, но навряд ли что даст для архива.

Попытайтесь, если Вас интересует.
Баранович А.Г., [28].

* Оргеевская, Полина Марковна (Мордковна) Оргеевская (1891-1974), врач.

** Редакция газеты «Вечерний Кишинёв», ул. Комсомольская № 1 (ныне ул. М. Эминеску).

Рис. 1. Шнеер Коган (12 апреля 1930 года).

Рис. 2. Шнеер Коган с учениками Худ. училища (2-й ряд сверху, 3-й слева).
Евгения Гамбурд (3-й ряд сверху, 1-я слева).

Рис. 3. Дом в старом Кишинёве (1932).

Рис. 4. Мазаракиевская церковь в Кишинёве (офорт).

Рис. 5. Кишинёвский Кафедральный собор (офорт).

Рис. 6. Константинополь (офорт).

Рис. 7, 8. Женские портреты (рисунки углем).

Рис. 9, 10. Захоронения Ш.Г. Когана и родственников его второй жены на Кишинёвском еврейском кладбище (стрелкой указана могила художника).